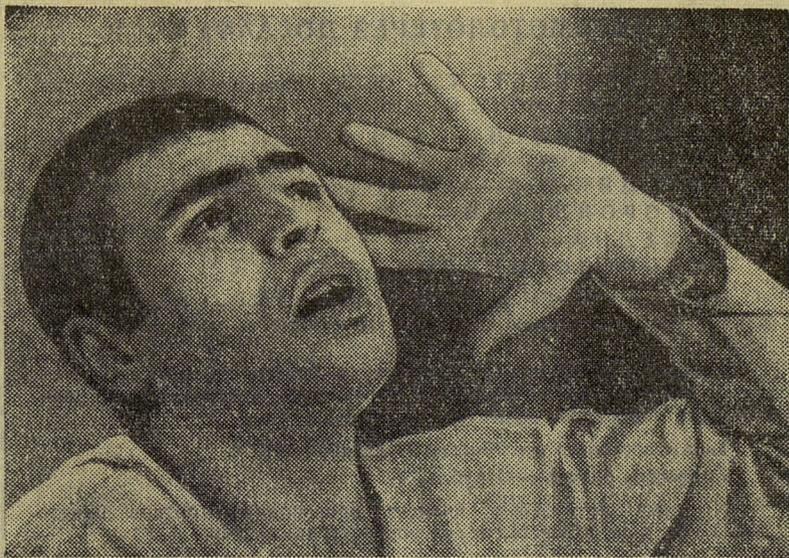

27 НОЯ 1961

Когда говоришь сегодня о театре одного актера в нашем городе, то прежде всего хочется назвать имя артиста Ленконцерта Анатолия Шагиняна, лауреата Всероссийского конкурса чтецов. Его творчество получило признание не только в нашей стране, но и за рубежом. В Польше, например, газеты писали о нем, как о ярком явлении эстрадного искусства, как об оригинальнейшей индивидуальности, развитие которой обещает многое.

...Это была замечательная парадная.

Когда поздним вечером старинный петербургский особняк затахал, на площадке второго этажа закигался тусклый висячий фонарь. Он отражался в огромном зеркале. Было похоже на театральную декорацию.

Редкие запоздалые жильцы, возвращаясь домой, с удивлением, а потом сочувственно косились на одинокую фигуру паренька. Даже при тусклом желтом свете фонаря видно было — переживает парень: в страдальческой гримасе сведены густые брови, ломаются спички над погасшей сигаретой. Ждет, наверное. Или поссорились. Известное дело — молодость... Хлопала

дверь наверху, и опять наступала тишина.

Парень осторожно клал недокуренную сигарету на перила, подходил к зеркалу и долго смотрел на свое отражение. Лицо уже не было страдальческим. Оно хотело или застывало неподвижной маской. Перемены происходили мгновенно.

Фигура перед зеркалом превращалась в мальчишку. Он идет куда-то с книгой в руках. Фигура не трогается с места, но создается впечатление стремительного движения. Мальчишка смотрит вверх, тянется к солнцу. Вдруг что-то преграждает путь. Туча. Удар в грудь. Книга выпадает из рук. Мальчишка замирает. Как памятник.

Слово памятник происходит от слова память. Анатолий Шагинян твердо убежден, что его память хранит воспоминания, этот тяжкий и невесомый груз, с четырехлетнего возраста. С того времени, когда главным словом стала — война. Это слово вместило для ребенка все: голод, переезды, тоску ночных вокзалов, слезы матери и первые мальчишеские потасовки. Формулой жизни и надежды стали слова: «Вот кончится война, и тогда...»

Кончилась война. В 1952 году

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

подросток Шагинян стал юнгой Балтийского флота. Через пять лет матрос Шагинян демобилизовался и поступил в студию Ленинградского ТЮЗа, в мастерскую профессора Л. Ф. Макарьева. После студии — два сезона в Малом драматическом театре. Но Шагиняну этого мало. Его не удовлетворяют роли негрят, приказчиков, рассыльных. Память тревожит его. Память о войне. Ему необходимо сказать о ней свое слово. Но как?

Еще в студии Шагинян увлекся пантомимой.

Шагинян неутомим —

Открывает школу мим! — подтрунивала над ним студийная стенгазета.

А ведь пантомимой можно так много сказать людям! Удивительно, трудное искусство. И Анатолий погружается в изучение творчества Чаплина, Марсо, Родена. Пантомима завладевает им.

Шагинян уходит из театра. Это не просто — уйти из театра, который стал твоим родным домом. Но он хочет заниматься пантомимой. И занимается... в парадной старинной петербургской особнячке.

За короткий срок Шагинян сделал пять пантомим, показал их друзьям. Нельзя сказать, чтобы первые зрители испытали особенный восторг. И только один заявил: «Здорово!» Этого зрителя звали Таней Михайловой. Художница, она стала через некоторое время Таней Шагинян.

Анатолий все чаще приходил к мысли, что одной пантомимы ему мало, что пантомима — лишь часть доступных ему, как актеру, выразительных средств. Ему захотелось приложить к ней слово.

Движение и слово... Ведь это — колумбово яйцо! Стоило ли уходить из театра, чтобы прийти к этому простейшему решению? Ради чего лишил он себя декорации, музыки, партнеров — всего того, что входит в комплекс театральной постановки? Ради памяти. Ему необ-

ходимо громко сказать свои за и против. Ему необходимо посмотреть в глаза каждого своего зрителя, понять, с тобой ли он, а если против — сразиться с ним оружием искусства. И Шагинян решил создать свой театр. Собственный. Театр одного актера.

Но, может быть, и это — колумбово яйцо? Шагинян роется в книгах. Оказалось, что театру одного актера, по крайней мере, лет сорок пять. И что к его рождению причастен не только Ленинград, но, скажем, и Ташкент. Да, именно в Ташкенте ярким солнечным днем на шумном базаре увидел молодой артист Александр Закушняк «ведьколесного узбека», который что-то рассказывал собравшимся вокруг него людям. «Он с необыкновенной ловкостью драпировался иногда в цветное покрывало, часто менял интонации и позы и то и дело показывал зрителям какие-то мелкие предметы, бывшие у него под руками... Неожиданное волнение охватило меня, — пишет Закушняк. — Вот она, форма!»

Вскоре увлекся новой формой театра и Владимир Яхонтов. Его книга так и называется: «Театр одного актера». В ней много поучительного для тех, кто хочет знать, что было до него.

А «до него» еще и другие продолжали дело, начатое Закушняком и Яхонтовым. Тамара Давыдова с «Оптимистической трагедией» и «Легендой о любви». Сергей Балашов с «Шинелью» Гоголя. Ровесник Шагиняна Владимир Рецетнер с «Гамлетом». Были и менее удачные попытки работать в этом жанре. И мастера, и молодые искали свой театр. Театр одного актера. Может быть, ему, Шагиняну, пойти по проторенной дорожке? Взять обычную пьесу или инсценировку и сыграть их одному, с аксессуарами или без, с музыкой или без, с магнитофоном или без? И будет не хуже?

Шагинян решил. Его театр будет не просто театром одного актера.

Он будет и театром памяти, театром, направленным против фашизма и войны. Театром защиты детей. Он станет защищать всех детей, в том числе и маленького Шагиняна... «А если будет дочь?» — спрашивала Таня. — «Будет сын», — отвечал Анатолий.

И родился сын. Днем во дворе под окнами клиники толпился растерянный новоявленные отцы. А за больничными окнами стояли молодые мамы и напряженно расшифровывали таинственную азбуку жестов. Трудное искусство пантомимы Шагиняна было оценено по достоинству... Белой ночью, стоя под окнами родильного дома, Толя как заклинание шептал стихи Брехта, первого автора своего театра:

Вам, матери, решающее слово.
Вы дали детям жизнь

и вы в ответе
За смерть, что угрожает
вашим детям!

Не допустите страшной бойни
новой!

Белыми ночами на спусках к Неве студенты слушают гитариста. Гитара говорит с ними то интимно, доверительно, то ритмично и резко. Она рассказывает то о любви, то о чем-то трагическом и гневном... Гитара! Именно гитара — это же оркестр театра памяти! Как это сразу не пришло ему в голову! Демократичный, любимый всеми инструмент. Как будто идешь по дороге и поешь песню... Песню дорог... Песни улиц и дорог! Им будет посвящен спектакль.

Бродячий актер обходит собравшуюся толпу — воображаемому, конечно, — заглядывает в лица, ждет, не бросит ли кто монеты, завидно выкрикивает:

— Баллады, стихи, песни Бертольта Брехта, немца-антифашиста, баллады, стихи и памфлеты, стихи и песен куплеты Бертольта Брехта, немца-антифашиста из Баварии...

И начинается удивительное представление, спектакль о мире и войне, где имеются все элементы настоящего театра: костюм, реквизит, музыка, слово, пантомима, множе-

ство различных персонажей, только исполнитель — один. Его партнер — гитарист молчит. Говорит гитара.

На протяжении всего этого моноспектакля Шагинян находится в состоянии постоянной трансформации. Лирика, публицистика, гротеск передают микросюжеты композиции, настроения ее героев, чувства исполнителя, артиста Анатолия Шагиняна, который сражается с фашизмом.

Шагинян чрезвычайно подвижен. Он может превратить свое тело в уродливо изогнутую свастику. Он превращает алюминиевый котелок в солдатскую каску:

И брат захватил героически
Кусок чужой земли:

Длины в том куске —
метр семьдесят пять

И сто пятьдесят — глубины...

На голове актера болтается каска. Руки безвольно раскинуты в стороны. Ноги, подкашиваясь, пружинят все слабее... Это же кресты! Березовые кресты с касками убитых на каждом. И зрители в светлом, уютном зале вдрагивают, ощутив мертвящее дыхание войны.

Бертольтом Брехтом открыл свой театр одного актера артист Анатолий Шагинян. Так начал свое существование театр памяти, театр и защиту человека.

Шагинян развивает свою тему и в последующих работах. Он рассказывает слушателям о простых, маленьких людях, об их сердцах. В программу первого вечера спектакля вошла «Поездка в Хан-Форт» Сарояна, «Жизнь — это танец» Моравия, а также произведения выдающихся поэтов мира: Ашкенази, Превера, Хикмета, Хьюза.

Первая афиша театра Шагиняна называется «Мир и война». В этих словах — творческая программа и гражданская, партийная позиция молодого артиста.

Марина РАКОВА,
дипломант Всероссийского
конкурса чтецов

НА СНИМКЕ: Анатолий Шагинян.